

УДК 141.3 + 159.9.018

DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50

Феноменология: ретроспективный и проспективный подходы (предварительный план исследования)

С. В. Бердаус, А. А. Санженаров

*Институт философии и права СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Намечаются пути определения теоретических предпосылок формирования феноменологической философии и приводятся некоторые примеры практического применения феноменологического метода в психологии. Специфика подхода, реализуемого в настоящей статье, заключается в том, что авторы намеренно отказываются рассматривать первичные источники феноменологии (Брегана, Канта и др.) и обращаются к протоисточникам этого учения – античной философии. Предполагается, что именно такой подход позволит наиболее полно раскрыть потенциал феноменологического метода. Отмечается, что применение феноменологического метода в психологии сталкивается с рядом затруднений. Прежде всего, существует сложность проведения демаркационной линии между философией и психологией. С другой стороны, происходит столкновение научного (догматического) и феноменологического (антидогматического, критицистского) знания. Работа феноменолога, оперирующего беспредпосылочным знанием, предполагает отказ от догматизации собственных теорий и методов. Поскольку феноменологический психолог стремится выработать тонкое понимание всесторонности человеческого опыта, руководствуясь беспредпосылочным знанием, постольку обращение к историко-философскому наследию, и прежде всего к античным и средневековым текстам, является оправданным решением, ибо именно там можно обнаружить первые донаучные попытки мыслителей нащупать способы описания опыта.

Ключевые слова

феноменология, история феноменологического движения, Гуссерль, интенциональность, опыт, античная философия, средневековая философия

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-011-00911)

Для цитирования

Бердаус С. В., Санженаров А. А. Феноменология: ретроспективный и проспективный подходы (предварительный план исследования) // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1. С. 40–50. DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50

© С. В. Бердаус, А. А. Санженаров, 2020

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18, № 1
Siberian Journal of Philosophy, 2020, vol. 18, no. 1

Phenomenology: Retrospective and Prospective Approaches

S. V. Berdaus, A. A. Sanzhenakov

*Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article outlines ways to determine the theoretical preconditions for the formation of phenomenological philosophy and provides some examples of the practical application of the phenomenological method in current social and human studies. The specificity of the approach implemented in the article is that the authors deliberately refuse to consider the primary sources of phenomenology (Kant, Brentano, etc.) and turn to the primary sources of this doctrine in ancient philosophy. The authors assume that addressing ancient philosophy allows to reveal all capabilities of the phenomenological method. The application of the phenomenological method in psychology faces a number of difficulties. Firstly, there is a problem of distinguishing between philosophy and psychology. Secondly, there is a difficulty in combining scientific (dogmatic) and phenomenological (anti-dogmatic, critical) knowledge. The task of a phenomenological psychologist is to develop an understanding of the diversity of human experience, guided by unpackaged knowledge. Therefore, an appeal to the philosophical heritage of the past, and above all to ancient and medieval texts, is a justified decision, because the first pre-scientific attempts of thinkers to find ways to describe experience are found there.

Keywords

phenomenology, history of the phenomenological movement, Husserl, intentionality, experience, ancient philosophy, medieval philosophy

Acknowledgements

The Investigations are supported by Russian Foundation for Fundamental Studies (project no. 20-011-00911)

For citation

Berdaus S. V., Sanzhenakov A. A. Phenomenology: Retrospective and Prospective Approaches. *Siberian Journal of Philosophy*, 2020, vol. 18, no. 1, p. 40–50. (in Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2020-18-1-40-50

Феноменология представляет собой одно из важнейших современных направлений философской мысли, а феноменологический метод успешно применяется во многих социально-гуманитарных дисциплинах. В качестве примера мы возьмем психологию, где уже давно сформировалось направление, в рамках которого используется феноменологическая методология. Вместе с тем среди профессиональных философов и представителей других гуманитарных наук до сих пор существует определенный уровень недоверия к наследию Гуссерля. Как будет показано ниже, во многом это связано с отсутствием в феноменологии должного уровня строгости, который ожидается от любой научной дисциплины, а также с внутренними противоречиями феноменологической психологии. С точки зрения авторов

статьи, одним из способов преодоления общего недоверия может быть демонстрация истории становления основных понятий и концепций феноменологии. Включив Гуссерля в историко-философский контекст и показав, что его идеи являются закономерным продолжением предыдущей традиции, мы надеемся убедить критиков в легитимности притязаний феноменологии. Более того, подобный экскурс позволит расширить и переопределить основания использования феноменологического метода в современных условиях.

Интенциональность и опыт до феноменологии

Под поисками предпосылок феноменологии обычно понимается исследование ближайших источников, предопределивших появление феноменологических идей и феноменологического движения. Среди этих ближайших источников окажутся такие философы, как Декарт, Локк, Юм и Кант, а также непосредственный учитель Гуссерля – Ф. Brentano. Показательным примером в этой связи может служить, известная монография Г. Шпигельберга «Феноменологическое движение. Историческое введение» [Spiegelberg, 1960], открывающаяся главой с названием «Подготовительный этап», которая начинается с изложения учения Ф. Brentano и его места в истории феноменологии. Однако феноменология есть не только реакция и ответ на предыдущую и ближайшую традицию (нововременной эмпиризм и рационализм, трансцендентализм Канта, скептицизм Юма), но и следствие более ранних историко-философских процессов. При определении предпосылок и причин появления феноменологии и феноменологического метода следует учитывать оба этих исследовательских аспекта – и ближайшие источники, и отдаленные. В настоящей статье наше внимание будет сосредоточено именно на отдаленных источниках, поскольку ближайшее влияние было довольно хорошо изучено ранее, и поскольку именно посредством обращения к ранним источникам авторы статьи надеются получить результаты, которые позволят дополнить и возможно улучшить феноменологический метод, а также расширить теоретические основания феноменологической традиции.

Глубокие экскурсы в историю осуществляют исследователи, занимающиеся историей понятийного аппарата феноменологии. Так, теоретические корни понятия «интенциональность»¹ обнаруживаются в поздней схоластике и арабской философии (у Авиценны и Аль-Фараби) (см.: [Caston, 2001. P. 23]). В то же время суще-

¹ Различая психические и физические явления, Ф. Brentano вводит понятие «интенциональность» – направленность психики на имманентную ей предметность. Гуссерль отказывается от этого реалистического подхода в пользу антипсихологического взгляда, интерпретируя интенциональность не просто как психологический феномен, но как «чистый» акт сознания (см.: [Бабушкин, 1985]).

ствуют попытки проникнуть в более глубокие пласты истории философии с целью показать наличие в античной философии предпосылок, оформившихся позднее в виде феноменологического понятия интенциональности. В 1999 г. в Базеле прошла конференция, посвященная этому вопросу, в результате чего вышла в свет коллективная монография [Perler, 2001]. Как отмечается в рецензиях на эту работу (см., например: [Gerson, 2002]), главным ее достижением является включение наследия античных философов в обсуждение проблемы выявления первых попыток осмысления внутреннего опыта и интенциональных предметов. По убеждению авторов этой коллективной монографии, античной философской традиции принадлежит заслуга первых шагов в этом направлении.

Следует отметить, что подобное расширение исторического экскурса имеет свои основания. В частности, сам Ф. Brentano, которому принадлежит заслуга по актуализации понятия интенциональности, признавал, что среди первых философов, заинтересовавшихся этой темой, были греки. «Еще Аристотель рассуждал об этих психических переживаниях. В книге “О душе” он говорил, что ощущаемое в качестве ощущаемого существует в ощущающем, чувство воспринимает ощущаемое без материи², а мыслимое существует в мыслящем разуме³. Равным образом, и у Филона мы находим учение о ментальном существовании и внутреннем существовании» [Брентано, 1996. С. 33].

Историю интенциональности можно начинать с поэмы Парменида Элейского «О природе», в которой область мышления четко отделяется от того, что невозможно мыслить и утверждается, что существующее и мыслимое тождественны. Иначе говоря, единственно существующими являются только предметы мысли. В дальнейшем, по замечанию Ф. Brentano, подобный психологический феномен «средневековые схоласты назвали интенциональным (или же метальным) внутренним существованием предмета» [Там же]. В диалогах Платона также обнаруживаются первые попытки осмысления природы интенциональных предметов. Описывая различные формы опыта (ощущения, воспоминания, знание, любовь и т. д.), Сократ всякий раз настаивает на том, что любые переживания направлены на «нечто», причем на «нечто существующее» (например: Theaet. 160a–d; Rep. 476e,

² См.: [Аристотель, 1975. С. 421]. Подобное понимание процесса получения чувственных впечатлений, действительно, отличается от, скажем, Демокритова понимания, согласно которому от внешних предметов истекают образы (τὰ εἴδωλα) и проникают в душу познающего субъекта через органы чувств. Условно говоря, в этом случае мы имеем прямую трансляцию познавательного материала, в то время как в случае с Аристотелем уместнее говорить о внутреннем постижении, что, конечно, не предполагает полной независимости познающего от внешнего мира.

³ Мёрфи в диссертации «Начало интенциональности» отстаивает позицию, что именно понятие «ум» (νοῦς) Аристотеля является истинным прообразом интенциональности, а не его теория ощущения (см.: [Murphy, 2005]).

478b) ⁴. Вместе с тем утверждается, что все эти формы опыта имеют своим предметом нечто отличное от себя (зрение направлено на предмет зрения, а не на само себя, страсть направлена на удовольствие, а не на саму себя). Хотя в некоторых диалогах речь идет о том, что наши интенциональные акты (допустим эту терминологическую модернизацию) направлены на «нечто существующее», в других (например, в «Филебе») – говорится, что имеются такие акты, которые направлены на «то, чего нет» (Phileb. 40c). Более развернутый анализ того, как можно мыслить и утверждать ложные мнения (мнения о том, чего не существует), мы обнаруживаем в «Софисте».

Средневековые теории интенциональности были инспирированы теорией восприятия и мышления Аристотеля. Как уже было сказано, наибольшее внимание в этом отношении уделялось учению о чувственном постижении – способности воспринимать формы ощущаемого без его материи (De An. II 12, 424a17–24; III 2, 425b23–24; III 4, 429a15–19; и III 8, 431b26–29). Непосредственно с этим связан постулат, согласно которому «действие и претерпевание происходят в претерпеваемом, а не в действующем» ⁵ (ἡ ποιήσις καὶ ἡ πάθησις ἐν τῷ πάσχοντι ἀλλ' οὐκ ἐν τῷ ποιοῦντι) (De An. III 2, 426a9–10) [Аристотель, 1975. С. 426]. Следует отметить, что представленные рассуждения Аристотеля далеко не в полной мере отражают проблематику интенциональности, поскольку касаются все же таких интенциональных состояний, которые вызваны внешними предметами и не учитывают таких парадигматических случаев интенциональности, как сны или надежды на будущее ⁶. Однако в работе «О памяти и припоминании» Аристотель демонстрирует хорошее понимание сущности интенциональности, когда заявляет, что нет мышления без образа (ἄνευ φαντάσματος) (De Mem. 449b31) (некоторого аналога интенционального предмета) и что разум способен мыслить предметы, «даже когда их нет» (μὴ ὄντων ὁμοίως νοήσει) (De Mem. 452b12).

Этот небольшой экскурс в историю показывает, что первые представления о внутреннем опыте и об интенциональном предмете впервые появились в Античности. Безусловно, подобного первоначального обращения недостаточно для всестороннего понимания первых попыток осмысления феномена интенциональности. Однако наше исследование позволяет с уверенностью сказать, что есть необходимость более широкого и глубокого обращения к текстам античных фило-

⁴ Здесь и далее древнегреческие тексты Платона и Аристотеля приводятся в круглых скобках и ссылки на них даются по изданиям: [Аристотель, 1975; 2004; Платон, 1993; 1994].

⁵ См. также: «...движение – действие и претерпевание – происходит в том, что подвергается воздействию» (τοῦ ποιητικοῦ καὶ κινητικοῦ ἐνέργεια ἐν τῷ πάσχοντι ἐγγίνεται) (De An. III 2, 426a 4–5).

⁶ Caston V. Intentionality in Ancient Philosophy. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/intentionality-ancient> (accessed date 25.01.2019).

соффов, с тем чтобы выявить особенности осмысления проблемы интернациональности в Античности.

Феноменологический метод в психологии

Психология является одной из тех научных дисциплин, которые наиболее поздно вышли из состава философии и приобрели самостоятельный статус. Исторически становление этой дисциплины было обусловлено такими тенденциями, как позитивизм и сциентизм. Если посмотреть с самой отвлеченной точки зрения, то можно обнаружить, что ведущими направлениями в данный момент являются выхолощенный (максимально объективистский и наукообразный) фрейдизм и бихевиоризм вкупе с различными направлениями нейропсихологии и экспериментальной психологии⁷. Оказавшись на твердой почве науки, представители этих направлений заняли скептическую позицию в отношении философии и ее инструментария. Так, устроение концепции Фрейда, попытки максимально онаучить его идеи привели к устранению некоторых явно ненаучных элементов. Например, не поддается полной рационализации содержание такого понятия, как «инстинкт смерти». На этом фоне особое место занимают такие направления, как феноменологическая психология, экзистенциальная психология, гуманистическая психология, объединяемые антипозитивистской установкой. Единым методологическим базисом для них стал отказ от построения психологии по образцу естественных наук⁸. В то же время вслед за Р. Мэйем следует отметить, что предметы анализа и фрейдизма, и экзистенциальной психологии совпадают – «тревога, отчаяние, отчуждение человека от себя и общества» [2017. С. 109]. Во многом такое совпадение объясняется тем, что данные направления сформировались в рамках одного социокультурного поля. Невротическая личность конца XIX века, характеризующаяся раздробленностью и различными формами отчуждения от себя, стала объектом анализа и для Фрейда, и для Кьеркегора (см.: [Там же. С. 110–114]).

Отказ от сциентистской установки привел феноменологическую психологию к ряду задач, которые не всегда успешно ею решаются. Прежде всего, речь идет

⁷ Зачастую, феноменологическую психологию понимают как составную часть более широких направлений – экзистенциальной и гуманистической психологии (что отчасти является верным, а отчасти – нет) (см.: [Улановский, 2007]). В данной статье мы будем вести речь о всех этих направлениях вместе, условно объединяя их под именем «феноменологически-экзистенциальной психологии».

⁸ В монографии «Исторический смысл психологического кризиса» Л. С. Выготский «описывает две основные взаимоисключающие тенденции. Для этих несовместимых тенденций трудно подобрать точные названия, но, определенно, можно отметить, что психологии, представляющие первую тенденцию, ориентированы на образцы естественнонаучного исследования, в то время как психологии, составляющие вторую тенденцию, строятся по образцам гуманитарных наук» [Кучинский, 2010. С. 14].

о техниках и алгоритмах привнесения философского знания в практическую область. Каким именно образом феноменология может составить некий продуктивный базис для психологических исследований? С одной стороны, устроение механизмов работы приводит к нивелированию философской составляющей феноменологии. С другой стороны, вольное применение методики ведет к снижению уровня строгости и справедливым упрекам в надуманности выводов и отсутствию последовательности.

Приступая к анализу проблематики использования феноменологического метода на практике, сделаем одно критическое замечание относительно общей тенденции в восприятии феноменологического метода в гуманитарных науках. Ключевым моментом этой тенденции можно считать наличие своего рода шкалы аутентичности реализации данного метода. Предельными координатами этой шкалы выступают, с одной стороны, заимствование метода во всей полноте его концептуального замысла, а с другой – использование его на уровне эрзаца. Последнее во многом обусловлено *prima facie* базовой методологической установкой феноменологии, которая самим Гуссерлем сформулирована следующим образом: «Переживания сознания мы будем рассматривать во всей полноте конкретизации, с какой выступают они в своей конкретной взаимосвязи, потоке переживания, и в какую сливаются они по своей сущности. Тогда станет очевидным и то, что всякое переживание потока, какое способен схватить рефлексивный взгляд, обладает своей собственной, интуитивно постигаемой сущностью, “содержанием”, какое в своей самобытности позволяет рассматривать себя для себя. Нам же важно схватить это самобытное наполнение *cogitatio* в его чистой самобытности и охарактеризовать его всеобще, т. е. исключая все, что не заключено в *cogitatio* согласно тому, что она такое в себе самой. Равным образом необходимо охарактеризовать и единство сознания, какое исключительно требуется собственным наполнением любых *cogitationes*, причем с такой неременностью, что без такого единства они не могут существовать» [2009. С. 107]. Гуссерль предлагает новый познавательный метод, позволяющий охватить и представить переживаемый опыт во всей его многогранности и неоднозначности, что в свою очередь позволяет зафиксировать уникальность каждого момента в нашем сознании. Подобная интроспекция раскрывает содержание сознания как уникального феномена с собственным конститутивным содержанием, которое обеспечивается не столько отдельными актами, сколько единой структурой сознания. В следующем параграфе обсуждаемой работы следует известный пример с листом белой бумаги, который Гуссерль видит и ощупывает, заключая, что «такое восприятие – видение-ощупывание – листа бумаги, как полностью конкретное переживание лежащего здесь листа бумаги, причем данного с точно такими-то качествами, в точно такой относительной неясности, в такой

неполной определенности, являющегося так-то ориентированным относительно меня, – и есть cogito, переживание сознания» [Там же]. Соответственно, в центре интереса Гуссерля не сам белый лист, а интенциональное переживание этого листа. Таким образом, если мы хотим охарактеризовать нижнюю координату шкалы аутентичности реализации феноменологического метода, то в качестве таковой следует признать паллиативное использование метода с особым акцентом на отдельные структуры опыта.

Практика применения феноменологической методике в психологии и психотерапии, а также теоретические исследования в этой области показывают, что большая часть проблем проистекает из двух затруднений. Во-первых, в этой дисциплине наблюдается сложность в разграничении компетенций философа и психолога. Поскольку представители феноменологически-экзистенциальной психологии отказываются проводить линию демаркации между философией и психологией, в отличие от ранее обозначенных позитивистских психологов, постольку под вопросом оказывается уровень введения философской составляющей в методологически-практическую часть психологии. Во-вторых, феноменологический метод как таковой произрастал на почве критицистской установки феноменологии, ее принципиального обособления от догматических и скептических позиций, что в свою очередь влечет несвойственные для науки в традиционном смысле методологические обязательства. Речь идет о том, как научное мышление, которому присуща догматическая установка, может состояться на базе критической установки. Иначе говоря, работа ученого предполагает наличие ясных и неизблемых теоретических и методологических установок, а работа феноменолога, оперирующего беспредпосылочным знанием, предполагает отказ от догматизации собственных теорий и методов, что ведет к очевидному конфликту.

Исходя из вышеперечисленных затруднений, первой задачей феноменологического психолога является отказ от предпосылочного знания вкупе с выработкой тонкого понимания всесторонности человеческого опыта. Если первое сделать сравнительно просто, то второе условие выполнить гораздо сложнее. Можно выделить по меньшей мере три решения. Самым очевидным будет обращение к собственному опыту, что, однако, предполагает довольно глубокий и разнообразный внутренний мир практикующего психолога. Другой вариант – обращение к естественному чувству эмпатии, позволяющему проникнуть в переживания другого человека и понять их специфику. Наконец, возможно обращение к историко-философскому наследию, прежде всего к античным и средневековым текстам. Последнее решение является не столь очевидным как два первых и может быть расценено как окольный путь. Тем не менее обращение именно к текстам античных и средневековых авторов позволит обнаружить первые донаучные попытки мыс-

лителей прошлого нащупать способы описания опыта, а также соотнести воедино различные компоненты, которые связывают человека – телесность, эмоции, намерения, моральные убеждения и т. п. Важно отметить, что именно Античность и схоластика являются наиболее удобным плацдармом для изучения опыта в том виде его концептуализации, который еще не получил высокую степень универсализации и объективации, характерную для Нового времени. Такой подход наиболее отвечает видению Гуссерля, который выступал с критикой европейской рациональности. Критическое отношение Гуссерля к европейской науке ясно показано в его работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (см.: [Гуссерль, 2013]). В качестве выхода Гуссерль видел переопределение оснований научного мышления, устранение разрыва между субъективизмом и объективизмом, создание подлинной психологии, раскрывающей трансцендентальную субъективность (см.: [Гуссерль, 2009. С. 15]). Возвращаясь к более частной проблеме феноменологической психологии, отметим, что из вышесказанного очевидно, что обращение к самым ранним экспликациям внутреннего опыта в античной и средневековой философии является одним из перспективных способов преодоления затруднений в этой дисциплине.

Список литературы / References

- Аристотель.** Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 4.
Aristotle. Sochineniya [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. (in Russ.)
- Аристотель.** Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Пер. Е. В. Алымовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.
Aristotle. Protreptik. O chuvstvennom vospriyatii. O pamyati [Protrepticus. On Sense and the Sensible. On Memory]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2004. (in Russ.)
- Бабушкин В. У.** Феноменологическая философия науки. М.: Наука, 1985.
Babushkin V. U. Fenomenologicheskaya filosofiya nauki [The phenomenological philosophy of science]. Moscow, Nauka, 1985. (in Russ.)
- Брентано Ф.** Избранные работы / Пер. В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 1996.
Brentano F. Izbrannyye raboty [Selected Works]. Moscow, Dom intellektual'noi knigi Publ., 1996. (in Russ.)
- Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Пер. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2009. 489 с.
Husserl E. Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2009. (in Russ.)

- Гуссерль Э.** Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Наука, 2013.
- Husserl E.** Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Moscow, Nauka, 2013. (in Russ.)
- Кучинский Г. М.** Феноменологическая психология Э. Гуссерля // Психологический журнал. 2010. № 1. С. 14–25.
- Kuchinskii G. M.** Fenomenologicheskaya psikhologiya E. Gusserlya [The phenomenological psychology of E. Husserl]. *Psychological Journal*, 2010, no. 1, p. 14–25. (in Russ.)
- Мэй Р.** Теория и практика экзистенциальной психологии / Пер. С. Римского. М.: ИОИ, 2017.
- May R.** Teoriya i praktika ekzistsentsial'noi psikhologii [Theory and Practice of Existential Psychology]. Moscow, IOI Publ., 2017. (in Russ.)
- Платон.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2.
- Plato.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1993, vol. 2. (In Russ.)
- Платон.** Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3.
- Plato.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, vol. 3. (in Russ.)
- Улановский А. М.** Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 130–150.
- Ulanovskii A. M.** Fenomenologicheskii metod v psikhologii, psikhiiatrii i psikhoterapii [Phenomenological Method in Psychology, Psychiatry and Psychotherapy]. *Methodology and History of Psychology*, 2007, vol. 2, no. 1, p. 130–150. (in Russ.)
- Ancient and Medieval Theories of Intentionality. D. Perler (ed.). Leiden, Brill, 2001.
- Caston V.** Connecting Traditions Augustine and the Greeks on Intentionality. In: Ancient and Medieval Theories of Intentionality. D. Perler (ed.). Leiden, Brill, 2001, p. 23–48.
- Gerson L. P.** Ancient and Medieval Theories of Intentionality (review). *Journal of the History of Philosophy*, 2002, vol. 40, no. 4, p. 539–540.
- Murphy D. J.** Origin of Intentionality. Thesis submitted to the Department of Philosophy in partial fulfillment of the requirements for Doctor of Philosophy. Wilfrid Laurier University, 2008.
- Spiegelberg H.** The Phenomenological Movement. A Historical Introduction. Hague, Nijhoff, 1960, vol. 1.

Материал поступил в редколлегию

Received

23.12.2019

Сведения об авторах / Information about the Authors

Бердаус Светлана Владимировна, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Svetlana V. Berdaus, Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

s.berdaus@yandex.ru

Александр Афанасьевич Санженakov, кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия)

Alexander A. Sanzhenakov, Candidate of Science (Philosophy), Researcher, Institute of Philosophy and Law SB RAS (8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

sanzhenakov@gmail.com